

Serge Joncour

Chaleur Humaine

Серж Жонкур

Тепло человеческое

**LOVE
BOOK**

Москва

2025

УДК 82-3
ББК 84
Ж80

*Published by arrangement with
SAS Lester Literary Agency & Associates.*

Дизайн обложки Кати Бильгам

Жонкур, Серж.

Ж80 Тепло человеческое : [пер. с фр. А. Глебовской]. — Москва :
Лайвбук, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-907784-39-0

Очень популярный во Франции, яркий роман о сельской жизни и семейном воссоединении.

После того как сестры уезжают в город, Александр остается управлять семейной фермой. Он старается соблюдать традиции, производя мясо высочайшего качества, но мир постоянно меняется, грозя лишить фермеров дохода. И вот однажды, в чрезвычайной ситуации, семья, давно разучившаяся понимать друг друга, снова собирается под одной крышей. А к ним еще прибываются три дружелюбных щенка, которых разыскивают бандиты. Сможет ли дом объединить тех, кто уже давно привык жить своей жизнью? И что сильнее всех напастей и трудностей мира?

УДК 82-3
ББК 84

© Éditions Albin Michel, Paris 2023
© Глебовская А. В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
Livebook Publishing LTD, 2024

ISBN 978-5-907784-39-0

Суббота, 25 января 2020 года

Телята бросались наружу, точно мальчишки в воду, толкались внутри загонов с веселым безумством. Сойки, потревоженные их движением, оглашали вершины деревьев гневными криками — возмущенные тем, что теперь придется делить территорию с какими-то здоровенными тварями. Ощувив внезапную легкость, молодняк топтал землю и возвращал ток жизни в едва пробудившуюся природу. В садках, расставленных тут и там среди лугов, крутились, не отбрасывая тени на ярком свету, рыбы красного цвета; уже совсем скоро мокрые рыбки рыла нырнут, никого не дожидаясь, в прозрачную волну, и дни возьмут верх над ночами. Солнце — каким оно бывает в конце января — зажигало первые лучи, делало это решительно, но с некоторой опаской, как бы не переусердствовать, ибо о приходе весны оно возвещало на два месяца раньше срока. Обернувшись, Александр заметил, что Констанца сняла

Серж Жонкур

свитер и повязала его на талии, а потом закрыла ворота за ошалевшими телятами. Она каждый год неизменно приезжала посмотреть этот спектакль: как молодняк возвращается в стадо после двух месяцев в стойле. Как и Александр, она жадно впивала овладевшее животными безумие, пусть даже они оба и говорили себе, что неумолимо настанет день, когда вместо того, чтобы загонять молодняк под крышу зимой для защиты от холода, придется летом загонять его туда же от жары.

Констанца забавлялась тем, что подбадривала ленивых. Даже не повышая голоса, она подгоняла телят, которые останавливались поискать молодой клевер на обочине — им приходилось переходить на бег, напрягая все мышцы. Впервые они возвращались в мир трав, деревьев и кустарника. Теперь им предстоит на десять месяцев затеряться в море холмов, которые будут щедро поить их жизненными соками, точно мать — молоком.

Подлинное начало года в Бертранже — день выпуска на пастбище, утро этого дня возвещает, что жизнь вышла на новый круг. Александру пришлось ускорить шаг, чтобы телята его не обгоняли. Во взглядах собак тоже читалась радость, им нравилось табунить новое стадо. Шагая вниз по склону, Александр успел бросить взгляд на трех своих сестер, высившихся на гребне с другой стороны лощины. На холме напротив медленно вращались Каролина, Агата и Ванесса. Их лопасти рассекали свежий воздух, вялый ветерок выдавал максимум два или три мегаватта, а вот еще два дня назад

Тепло человеческое

ураган «Глория» дул так крепко, что их длинные руки замерли, застыв под напором шквала, будто от испуга. Имена сестер Александр дал ветрякам десять лет назад. Три громадины, каждая весом в сто с лишним тонн, которые он подчас приветствовал скорее с горечью, чем с иронией; по крайней мере, с ними он все еще видится.

Стадо повернуло вправо, инстинкт гнал телят на луговину, голые ветки вздрагивали от дыхания, зяблики, щеглы и малиновки, видимо, поверили, что зима ушла окончательно, дикие сливы, росшие вдоль изгороди, изготовились выпустить почки, а пройдет совсем немного времени — и они подставят вольному воздуху свои белые соцветия. Из года в год природа пробуждалась все раньше, деревья спешили одеться листвой.

Оказавшись на луговине, телята отыскивали старших, суматоха улеглась. С тцанием, какое присуще ремесленникам, они вернулись в размеренный ритм травоядной жизни. Каждая корова ставила перед собой задачу обципать луговину дочиста и посвящала всю себя достижению этой безграничной цели. Зрелище умиротворяло. Констанца подошла к Александру, обхватила его руками за торс, они наблюдали эту картину, спаянные прочными узами, какие соединяют людей, идущих по жизни в нежной и горькой решимости довольствоваться лишь необходимым. Родство душ удерживало их на самой грани любви, позволяло смотреть на мир с отрешенностью подлинных мудрецов — людей, которым не нужно ничего, кроме того, что у них уже есть.

Серж Жонкур

Констанца собиралась уехать до обеда, чтобы вернуться к себе в лес вскоре после полудня. Если по трассе, то можно добраться за полтора часа. Они шагали обратно на ферму, держась за руки, за ними бежали две собаки, несколько огорченные тем, что маневры завершились. В момент расставания Александр с Констанцей — так это бывало всегда — не сказали друг другу ничего особенного, не упомянули о разлуке, «загрустишь — накличешь несчастье», это они позаимствовали у везу, рыбаков с Мадагаскара, которые, уходя в море, никогда не прощаются, тем самым обещая, что обязательно вернуться.

В его пятьдесят семь лет родители все еще разговаривали с ним так, будто ему шестнадцать. Долгие годы эта их привычка сильно его раздражала, однако он довольно давно к ней притерпелся, даже попытался найти в ней толику трогательности. Тем не менее ужинать с ними слишком часто он избегал. Возраст у них был уже солидный, и они вынуждены были нанять могучего Фредо, большого оригинала, который мечтал о том, чтобы перевести их на экологическое хозяйствование, причем они даже немного робели перед своим работником; да, у Фредо имелись довольно темные связи, но сам-то он был парнем славным, хотя в заброшенном кемпинге, где он жил на птичьих правах, поговаривали обо всяких не слишком законопослушных типах, которые заезжали туда на машинах с заграничными номерами.

Тепло человеческое

Суждения отца в последнее время стали довольно странными, а мама иногда выпадала из реальности. Александр всю жизнь прожил от них неподалеку, виделся с ними практически каждый день. Многие не замечают, как растут их дети, так и ты сам, живя совсем близко к родителям, не видишь, как они стареют, если только это не происходит уж совсем резко. Правая рука у Анжель иногда начинала дрожать, хотя и не так уж сильно, — она это списывала на усталость, нервы, разок даже заговорила про врача, вот только по ее словам выходило следующее:

— Мануврие, с тех пор как умер, больше уже никого не консультирует.

То есть местный врач, подобно кузнецу или корзинщику, стал представителем забытой профессии.

— Ну и что, уехала она, твоя мисс?

— Да, в полдень.

— А вернется когда?

— Сам к ней поеду на следующей неделе.

— А, ну то есть у вас оно по очереди.

— Да, именно так.

Телевизор орал слишком громко, родители с религиозной истовостью смотрели новости в восемь вечера, и Александр каждый раз умудрялся потихоньку уменьшить звук.

Он чувствовал, что нынче вечером родители принимают его несколько прохладно, им недовольны, потому что он выпустил молодняк на пастбище, хотя

Серж Жонкур

в соседней Дордони власти объявили красный уровень опасности в связи с коровьим туберкулезом. И родители вот уже три недели только об этом с ним и разговаривали. Две с лишним дюжины стад находились под надзором санитарных властей, с ноября в десятке стад уже произвели диагностические отстрелы — коров убивали, даже не определив толком, больны они или нет, исследовали внутренности, и если обнаруживали болезнь, то помещали в карантин все поголовье.

— Ты понимаешь, что это они для того, чтобы проверить здоровье всего стада?

— Папа, но у нас-то тут никто не болеет.

— Все равно мог бы повременить с выгоном на пастбище.

— Ты сам всегда говорил, что нужно приспосабливаться к природе, следить за ее движениями.

— При выращивании растений — да. С животными все иначе, их не выпускают на волю только потому, что погода хорошая.

— На востоке уже зелень проклюнулась, какой смысл ждать?

— Хочешь, чтобы ветеринар карманы набил за твой счет? Вот погоди, еще набегаешься, если придется их отлавливать по очереди, хватать, делать уколы, а потом все это записывать в тетрадку — потратишь по четверть часа на каждую голову, а на всех много дней!

— Ближайшее от нас хозяйство в двадцати километрах, никакого риска заражения.

Тепло человеческое

— А кабаны? А лисы? В Дордони именно они эту болячку и разнесли.

— Кабаны в Бертранж не поднимаются, уходят вниз, к долине, так что это тебе скорее стоило бы огородить грядки с луком и спаржей.

— Спаржа туберкулезом не болеет, насколько мне известно.

— Пока не болеет!

Мама предпочитала не вмешиваться, она давно уже решила для себя, что ферма наверху — больше не их забота, и теперь они туда не заходили вообще, отчасти потому, что и так прожили там пятьдесят лет, но в основном — потому что не понимали методов своего сына, не верили в эти его неогороженные пастбища, в эти магазины, где торгуют сами производители, в истории о прямых продажах прямо с фермы — им эти сложности казались пустой тратой времени. Они вообще не хотели больше слушать разговоры про животных, а уж разводить их тем более: не держали даже ни попугая, ни кота.

Ужин продолжился в молчании. На экране сотни экскаваторов разных цветов двигались борт в борт, совершая гидравлическими ковшами почти балетные движения. Александр прибавил звук, чтобы выяснить, что это за чудо техники. В Китае строят по две больницы в день, по две больницы на тысячу мест каждая, а здесь у нас уже пять лет дожидаются строительства медпункта и под него еще даже котловане выкопали.

Делаус* объявил, что в Париже выявлено два случая заражения загадочным китайским вирусом, но больные пошли на поправку. Перед величественным зданием клиники интервьюировали выстроившихся в шеренгу врачей в белых халатах, они заверили, что все уже в полном порядке. Остается только выяснить, как эти двое заразились новым вирусом, возможно, его подхватил кто-то еще. И тут же сюжет сменился репортажем из Турции, где десятки человек погибли в результате землетрясения, существует опасность, что в ближайшие дни или месяцы можно ждать повторных толчков.

Они доедали сыр, и перед глазами у них проходило все, что случилось в мире; привычную ложку растворимого кофе они бросали в чашки с ощущением странного головокружительного падения.

Когда дошло до прогноза погоды, звук опять убавили, хватало и картинки. Молодая женщина разогнала немногочисленные облака, пришедшие с востока, всюду развесила солнышки. В столовой воцарилось то же барское спокойствие, что и снаружи. Александр убрал со стола, загрузил посудомойку — мать строго следила, чтобы он не отлынивал. Ее упреки всегда вызывали у него улыбку. Отец вышел, чтобы спокойно выкурить сигарету, хотя и считалось, что после двадцати лет ку-

* *Франсуа Делаус* — французский дипломат, в конце 2019 — начале 2020 г. занимал пост чрезвычайного и полномочного посла Франции в Туркменистане. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Тепло человеческое

рения он бросил. Александр обнял мать и пошел к отцу. У него, как и у отца, выработалась привычка держать ухо востро, хотя стояла полная тишина, которую не нарушали ни косули, ни кабаны, ни лисы, даже для уханья неясней было еще слишком рано — удивительно, как оно бывает, что не слышно совсем ничего, кроме легкого гула автострады на виадукке. Это звук долетал до них при определенном направлении ветра, так же как и шум ветряков, которые сегодня, правда, бездействовали. Тема ветряков в разговорах больше не поднималась, однако раньше родители неизменно вставали на сторону его трех сестер, хотя и жили с Александром.

— Мать твоя ничего не говорит, но я вижу, что она встревожена этими слухами из Парижа.

— Париж отсюда далеко.

— А сестры твои — ты про сестер подумал? Можешь себе представить, что им придется сидеть взаперти в квартирах, как вон китайцам в своих домах?

— Да не заводись ты так, во Франции всего два случая заболевания!

— Три. И ты прекрасно знаешь, чем кончается дело, когда в стаде обнаруживают трех зараженных коров — пускают под нож все поголовье.

— Погоди, но люди-то — не коровы!

— Верно, но они тоже млекопитающие.

— Ты становишься прямо как старый Крейсак, повсюду видишь одни беды — надеюсь, в тебя его дух не вселился?

Серж Жонкур

Александр любя уцепился за руку отца, чтобы вовремя вынуть запал и предотвратить взрыв — знал, что отец приходит в ужас, когда его сравнивают со старым блажененьким козопасом, который когда-то жил высоко в горах и отказывался от всего: от телефона, трактора и даже электричества.

— И тем не менее вирусы-то теперь повсюду. Посмотри на дубы на берегах Котерета, у них чернильная болезнь, а сосны все порыжели — еще только январь, а они уже будто засыхают.

— Это не вирус, а короед, — пренебрежительно бросил Александр, которому вдруг очень захотелось вернуться к себе.

Прежде чем лечь спать, Александр всегда прогуливался по пастбищу. Вот и сегодня вечером дошел до самых лугов Крейсака, где теперь паслись его коровы. Ночью сквозь оголенные ветки скопления огоньков были видны издалека. Если встать на гребне холма, возникало ощущение, что ты в открытом море или плывешь по реке. После начала нового тысячелетия звезды в Бертранже горели уже не только в небе. Впереди вспыхивали лампочки ветряков, их проблесковые маячки мигали синхронно, будто исполняя некий ритуал. Эти красные точки нагоняли даже большую тревогу, чем гул, исходивший от подножия трех сестер, напоминавший рокот воды на плотине или реки под ней — она из года в год журчала все тише. Еще дальше можно было различить

Тепло человеческое

крошечные огоньки — фары и хвостовые огни полуприцепов, которые двигались через виадук по автостраде в пяти с лишним километрах. А к северу, если погода была ясной и воздух влажным, в ночи раскидывалась целая корона света. Нынче вечером виднелся лишь нимб, не разглядишь ни единой постройки, а собственно пункт оплаты прячется в складке между холмами.

Луна еще не успела подняться над фермой. Помимо звезд, в черном треугольнике мигали сигнальные огни, двигавшиеся строго по прямой, — маячки самолетов, улетающих на юг. Самолетов становилось все больше и больше, они плыли по небу и днем, и ночью. Александр представлял себе пассажиров, заточённых в капсуле света, этакую грудку неприкаянного багажа, который, с легкостью преодолевая географические широты, перемещается с континента на континент. Он шагал неспешно, зачарованный тишиной, в которой таились самые разные вещи, оторванный от привычного сигналами, поступавшими к нему извне.

Когда он подошел к ограждению, коровы не сдвинулись с места, не перегруппировались — знак доверия. Он вытащил фонарик, провел лучом по всему полю, животные поглядывали на него сердито и недоверчиво, как будто вопрошая, зачем он вообще есть в этом мире. Коровы никогда не смотрят в небо, считается, что оно им безразлично, головы поднимают, только чтобы пощипать листья, а небом интересуются не больше лисиц, шмыгающих в ночи. Александр вдруг подумал о том, какие они

Серж Жонкур

хрупкие, эти животные, — они показались ему беззащитными как никогда. Отец постоянно ему твердил, что достаточно одного барсука или любого захожего зверя, чтобы заразить все стадо. По отцовским словам выходило, что хуже всех именно барсуки, они шастают по ночам, точно пьянчужки после попойки, и случается, что дерутся друг с другом в кровь, а после этого забиваются в свои норы и распространяют эти самые вирусы, зверюги поганые, вот именно так все и есть. Действительно, с тех самых пор, как старик начал выращивать овощи, он возненавидел животных, хотя до того жизнь положил на их разведение, а теперь видел в них одни лишь беды, напасти и бесконечные эпидемии. После появления птичьего гриппа мама избавилась от кур — муж убедил ее в том, что рано или поздно птицы заразят и людей, грипп распространится и на млекопитающих. До того она и помыслить не могла, что когда-то станет покупать яйца в магазине.

Ветер закопошился в ветвях, придав ночи зимний оттенок, но ветряки почему-то так и не закрутились. Александру это показалось странным, но вдумываться он не стал. При разделе участка он вынужден был выделить по наделу сестрам, вот они там и поставили эти механизмы. В начале нового века пошло такое поветрие, так что Каролина, Агата и Ванесса решили воспользоваться тем, что правительство Жоспена* буквально помешалось на энергии ветра. Выдавались всякие приятные бонусы.

* *Лионель Жоспен* — премьер-министр Франции в 1997–2002 гг.

Тепло человеческое

Как и в Германии и в Дании, была введена гарантированная цена на закупку электроэнергии — настоящая золотая жила для здешних краев с постоянными сильными ветрами. В сельской местности всюду развелись какие-то фирмы, проводившие беззастенчивую агитацию. Деятели в костюмах предлагали внушительные суммы наличными, будучи уверенными, что именно такие аргументы лучше всего действуют на крестьян. Ветряная лихорадка превратилась в казино под открытым небом, в лото, в котором выигрывали абсолютно все.

Сестры его подписали договор на двадцать лет. Три ветряка по два мегаватта, каждый высотой в восемьдесят метров, не считая винтов, производили столько электроэнергии, сколько требуется для городка с населением в восемь тысяч человек, и приносили в год двадцать тысяч евро прибыли — за двадцать лет набежала кругленькая сумма.

Впрочем, установка этих механизмов оказалась делом нелегким — за этим Александр наблюдал издали. Посмотреть поближе сходил только один раз, когда привезли винты пятьдесят метров длиной — недвижные чудовища, покоившиеся на бесконечных полуприцепах, чем-то похожие на морских млекопитающих, дожидаящихся, когда их отпустят обратно в воду. Все это казалось каким-то бредом — крепить такие штуковины к огромным бетонным сферам, вкопанным в землю, притом что в один прекрасный день их, возможно, придется разбирать, чтобы вернуть землю государству, но Александра все это никак не касалось — равно ни сестры, ни их ветряки.

Суббота, 1 января 2000 года

В это первое утро 2000 года знаменитый баг, о котором так долго и упорно рассуждали все суеверные невротики, так о себе и не заявил, и миллиарды людей по всему миру сразу о нем забыли, однако в то же время из-за страшного блэкаута Франция погрузилась в холод и тьму. Новое тысячелетие едва не стало концом света. Миллионы деревьев рухнули на землю, будто подкошенные ядерным взрывом, в сельской местности было разрушено множество построек. Переход к 2000 году оказался во всем противоположен тому, к чему все уже привыкли за долгие десятилетия. После урагана прошло пять дней, а в Бертранже так и не восстановили подачу электричества. Ветер сломал столбы линии электропередачи — в результате миллионы жилых домов и промышленных зданий оставались в темноте.

Ураганы «Лотар» и «Мартен» продолжали бушевать, на землю не прекращаясь обрушивались ливни,

Тепло человеческое

провоцируя оползни и размывая дороги — и тем самым еще сильнее затрудняя работу спасателей. Чтобы хоть как-то восстановить подачу электричества в самые удаленные дома, электрики просто вешали провода на деревья. Два природных катаклизма вывели из строя четверть всей электросети страны, уже поговаривали о том, что на полное восстановление уйдет двадцать лет и обойдется это в миллионы рабочих часов и десятки миллиардов евро.

Они все вместе обосновались на старой ферме, потому что внизу, у родителей, без насоса и электромотора не работало отопление.

Каролина, Агата и Ванесса естественным образом расположились в своей комнате, родители — в своей. Бабушка Люсьенна въехала в комнату Александра, он же приткнулся на диване в гостиной. Все они будто бы заново открывали для себя эти когда-то такие знакомые стены, эту древнюю постройку, в которой сын их прожил в одиночестве уже десять лет, и в результате новогодние каникулы стали чем-то напоминать путешествие во времени.

Они вспомнили, как пахнут дрова, горящие в печи, как выглядят фонарики на плоских батарейках, вытащили из кладовой древние керосиновые лампы, продремавшие там полвека. Вспомнили, что, когда зажигаешь свет, начинает пахнуть керосином. Для четверых внуков это была немыслимая экзотика, их будто бы втянули в игру «попади в детство своей мамы». Каролина, Агата

Серж Жонкур

и Ванесса безостановочно предавались воспоминаниям, родители тоже, мальчишки задавали миллионы вопросов, открывая для себя, что и родители их тоже когда-то были маленькими.

За столом Александр терпел эти разговоры, казавшиеся ему просмотром диапозитивов. Обижало его то, что сестры надо всем подсмеивались — над анисово-зеленой плиткой в ванной, над шкафчиками в кухне, над обоями, которые никто не переклеивал с семидесятых годов.

Поэтому бóльшую часть времени он проводил на улице. И не верил собственным глазам. Старые сараи и коровники устояли, не пострадали вовсе. А вот крупные деревянные постройки и недавно поставленные щиты из МДФ сдуло полностью. Длинные несущие балки, якобы устойчивые ко всему, и кровельные покрытия из фиброцемента приподняло, сбросило на землю, отнесло на сотню метров. Иногда Александру казалось, что он слышит хохот Крейсака: старый сосед, уже покойный, будто шептал ему на ухо, что это ненастье как раз и дало Александру шанс выскочить из ада колеса, в которое он все-таки попал. Нет больше двадцатичетырехметрового коровника для телят, отнятых от матки, нет больше загона для откармливания двухсот голов — нет крупной современной фермы, которую Александр, по сути, и не хотел строить. Теперь нужно начинать с нуля, купить штук двадцать нетелей простецкой породы — и вперед. Сократить поголовье, но заняться естественным откормом, может, даже перейти на эко-

Тепло человеческое

логичное животноводство, но главное — не мучиться больше с этими горами счетов за искусственные корма и со всей этой писаниной, которая доводила Александра до иступления. «Скоро сам поймешь, дело тут даже не в цене на экопродукцию, а в сокращении расходов. Меньше кормов, меньше денег ветеринару, меньше накладных расходов — и возни дурацкой меньше, и папок с бумажками». Вот что сказал бы старый Крейсак, будь он еще жив.

Что до родителей, они не решались вслух признаться в том, что все было бы куда проще, если бы дочери остались жить дома. Они прекрасно видели, что брак Каролины трещит по швам, что они с Филиппом по большей части вообще не разговаривают, но самую сильную тревогу у них вызывала Агата. Грег был не только ее мужем, но и деловым партнером, однако именно Агата управляла их магазинчиками по продаже одежды. Когда что-то шло не так, именно она принимала на себя удар. Супругам уже пришлось продать одну точку в центре города, а положение двух других было немногим лучше. Грег поговаривал о том, чтобы открыть свой ресторан, потому что тогда хотя бы не будет конкуренции со стороны китайцев. Что до Ванессы, она жила одна и в Париже чувствовала себя как дома, хотя ситуация была далеко не блестящей, не то что раньше: рекламную индустрию накрыл кризис, ушли в прошлое времена, когда заказчики готовы были платить огромные деньги за съемку ломтей ненастоящей ветчины на фоне безмятежного

Серж Жонкур

сельского пейзажа, тем более что цифровые технологии позволяли создать ту же картинку в три раза дешевле. В общем, Ванессе как фотографу грозила опасность, что компьютеры оставят ее без куска хлеба. Впрочем, она поговаривала о какой-то работе в Калифорнии, что пугало ее родителей даже сильнее, чем этот самый Париж, в котором они отродясь не бывали, а сыну их вообще представлялось чем-то несбыточным.

Старенький «телефункен» Александра обеспечивал им связь с миром — радиоприемник был с телескопической антенной, ловившей короткие волны, и работал от батареек. Когда ураган стих, они выяснили сквозь треск в эфире, что Версаль полностью разрушен — если не сам дворец, то парк, трехсотлетние дубы, знававшие еще Марию-Антуанетту, поломаны, обезглавлены, как и она, — госпожа История не выдержала безумств природы. Обращая взгляд к востоку, они видели там крошечную, но неповрежденную ферму Крейсака, с целехоньким дубом и ореховым деревом.

Именно декабрьский ураган 1999 года и определил всю дальнейшую жизнь Александра, потому что не только сдул постройки его новой масштабной фермы, но и надул его сестрам мысль о ветряках. В том, что 2000 год начался с такой фантазмагии, в том, что приход нового века и тысячелетия праздновали при свечах, Александру виделся знак: новая эпоха, которой надлежит принести мир и прогресс, вряд ли исполнит все свои обещания.